

А самой знаменитой саблей Башен Мелкого Дождя была как раз сабля Чэнъин.

Эту Чэнъин старый глава Башен Мелкого Дождя некогда выкупил у Города Ночи за баснословные деньги; сколько именно золота на неё ушло, до сих пор оставалось загадкой.

Услышав это, Чэнъин обернулся и опустился на колени лицом назад, а остальные люди в синих одеждах дружно опустились на колени в ту же сторону.

На ветке дерева неподалёку сидел молодой человек в синем: зажав в зубах травинку-собачник и закинув ногу на ногу, он неизвестно сколько времени наблюдал за этим представлением.

Синеодетый парень выплюнул травинку и с усмешкой обратился к Шэнь Цзинхуну:

— Шэнь Цзинхун, ты ведь и впрямь без нужды порог не обиваешь. Вспомнил всё-таки, что можно прислать весточку и попросить меня о помощи! Столько времени не выходил на связь, иные ведь могли подумать, что ты канул в лету.

Этим человеком был не кто иной, как глава Башен Мелкого Дождя Дуань Чжо.

Дуань Чжо приподнял брови, легко спрыгнул на землю и, состроив выразительную мину, окинул взглядом кровавую бойню вокруг, после чего выдал оценку:

— Ого, какой размах! Шэнь Цзинхун, в какую же это крупную переделку ты вляпался, раз самого Города Ночи на тебя натравил?

Он шутливо пнул носком сапога несколько валявшихся на земле тел и брезгливо нахмурился:

— И эта мелюзга умудрилась загнать тебя в такой тупик? Я же давно говорил: занимайся боевыми искусствами как следует! И что теперь? Выглядишь донельзя жалко, ещё и защитники требуются.

Закончив говорить, Дуань Чжо придирчивым взглядом окинул всего в крови У Ша:

— Ого, да ты где-то откопал полуживого теневого стражника? Снаровки кот наплакал, какая от него вообще польза, считай, что калека.

У Ша опустил взгляд, ресницы его дрогнули.

Он не стал возражать, да и нужды в этом не было — слова стоявшего перед ним человека были чистой правдой.

Услышав это, Шэнь Цзинхун, однако, стерпел улыбку с лица и очень серьезно произнес:

— У Ша — мой друг и тот, кто спас мне жизнь.

— Ох, —

Дуань Чжо равнодушно пожал плечами. —

Тогда прошу прощения, я ляпнул лишнего.

Даже когда этот человек извинялся, в его тоне сквозила легкомысленная беспечность. Закончив говорить, Дуань Чжо снова поманил стоявшего на коленях Чэнъина:

— Чэнъин, иди сюда.

Чэнъин опустил голову, глядя на брызги крови, попавшие на его лезвие, и на мгновение замер в нерешительности, но тут выражение лица Дуань Чжо резко помрачнело, сменившись на угрожающее.

— Иди сюда, не заставляй меня повторять дважды, — холодно бросил Дуань Чжо.

Заметив, что Дуань Чжо действительно рассердился, Чэнъин торопливо прополз на коленях пару шагов, но Дуань Чжо нагнулся, мертвой хваткой вцепился ему в руку и рывком поднял на ноги.

Чертами лица Дуань Чжо больше походил на мать: в его внешности проступало нечто неуловимо женственное. Яркие, прекрасные черты лица, пара выразительных миндалевидных глаз, в глубине которых таилась жесткость, — но стоило ему взглянуть на Чэнъина, как эта холодность мгновенно исчезала.

Он нежно стер с лица Чэнъина случайно попавшую туда капельку крови и тихо произнул:

— Ты что, совсем растерял форму? Вся морда в крови.

— Прости, глава, — испугавшись этого движения, Чэнъин резко отпрянул, уворачиваясь от его руки.

— Хм.

Увидев, что его рука рассекла воздух, Дуань Чжо холодно фыркнул и отдернул её обратно.

— Ничего, на этот раз прощаю, наказывать не буду.

Он чуть приподнял изящные брови:

— Так что незачем так нервничать.

Шэнь Цзинхун и У Ша, обработав раны, вслед за Дуань Чжо и остальными проделали долгий путь и наконец добрались до Башен Мелкого Дожда.

Если взглянуть на них издалека, Башни Мелкого Дожда были построены прямо у подножия гор, искусно вплетаясь в цепь живописных вершин, и в то же время стояли у самой воды, омываемые лёгкой рябью зелёной глади. В темноте вспыхивали редкие огоньки — яркие или приглушенные, они живописно и неравномерно вкраплялись в загнутые кверху карнизы павильонов, перекликаясь с очертаниями далёких гор.

Устроившись в гостевом домике и разобрав вещи, Шэнь Цзинхун велел У Ша хорошенько отдохнуть, а сам отправился на кухню, чтобы приготовить ему ужин.

Конечно, в Башнях Мелкого Дожда гостям полагалось питание, но в такой час, когда ночь уже вступила в свои права, время ужина давно прошло. К тому же Дуань Чжо, едва переступив порог обители, был перехвачен подчиненными с докладом о каких-то срочных делах.

Шэнь Цзинхун не бывал в Башнях Мелкого Дожда года три-четыре. По правде говоря, раньше они с Дуань Чжо общались гораздо теснее, но в последние два года Шэнь Цзинхун то и дело странствовал по свету в роли целителя, редко задерживаясь где-то надолго. Некогда святой врач Шэнь Уя привёл с собой маленького Шэнь Цзинхуна и временно поселился в Башнях Мелкого Дожда, щедро оплатив их защиту на два года вперёд. Словом, если в Башнях Мелкого Дожда чего-то и было в избытке, так это денег.

Маленькая кухня вроде бы должна быть в этой стороне?..

Шэнь Цзинхун с трудом напряг память: не был здесь уже три-четыре года, оставалось надеяться, что его воспоминания не подвели.

Петляя по извилистым коридорам Башен Мелкого Дожда и минуя старинные резные двери, он наконец вышел к дверям кухни.

Он слегка толкнул деревянную створку, и ему навстречу пахнуло теплом, в котором смешались запахи съестного и домашнего уюта. Однако, судя по всему, в комнате уже находился еще один гость.

Внутри кухни

мужчина в белых одеждах стоял спиной к двери, держа в руке флягу с вином и в полном одиночестве наслаждаясь украденной минутой покоя.

Услышав, что кто-то вошел, он лишь слегка приподнял голову, являя взору привлекательное лицо, после чего тут же потерял к вошедшему всякий интерес и с беззаботным видом продолжил делать большие глотки.

Одежатый просто и одетый незнакомец был явно не местным — Шэнь Цзинхун ни разу его не видел и лишь гадал, когда же в Башнях Мелкого Дождя успел появиться новичок.

Шэнь Цзинхун слегка удивился и уже собирался заговорить, как вдруг снаружи раздался торопливый топот ног. Звук стремительно приближался, а следом раздался грохот — боковую дверь кухни со злости распахнули ударом ноги.

Отворились и северная, и восточная двери.

На кухне мгновенно появился сквозняк: прохладный ночной ветерок взметнул волосы мужчины в белом. Тот почесал затылок и повернулся к боковой двери.

В поле зрения ворвалась девушка в зелёном походном костюме. Движения её были быстрыми и ловкими, а взгляд — острым; в несколько шагов она подскочила к любителю вина, уперла руки в боки и в ее голосе отчетливо зазвучали нотки гнева:

— Хэ Бугуй, да как ты посмел сбросить такую огромную сделку в Цзяннане на сестрицу Ань Чжи, а сам сбежал сюда распивать эту паршивую бормотуху?!

Мужчина, которого называли Хэ Бугуй, на мгновение замер от такого шквала упреков, затем опустил винную флягу, медленно повернулся к разъяренной девушке и виновато усмехнулся, пожав плечами:

— Ой-ой, барышня Тин Лань, ну нельзя же так выражаться! Еще недавно ты называла меня ни больше ни меньше как божеством благосостояния, упавшим с небес, а теперь перешла на личное имя?

К тому же, ведение дел — это вовсе не сбросить ответственность, а дать сестрице Ань Чжи набраться опыта. Не сердись ты так, деньги зарабатывать — дело не стыдное.

Шэнь Цзинхун, наблюдавший за этой сценой у другой двери: «.....»

Он ведь просто хотел приготовить ужин.

Тин Лань лишь теперь заметила Шэнь Цзинхуна и смущенно воскликнула:

— Господин Шэнь, вы здесь! Глава говорил, что вы придёте, но мы не думали, что так рано!

— Да, только что добрался, — мягко улыбнулся Шэнь Цзинхун.

Хэ Бугуй тем временем допил последние капли из фляги, облизал губы и с абсолютно трезвым видом перевёл взгляд на лицо Шэнь Цзинхуна.

— О, не припомню такого, новенький лица.

Шэнь Цзинхун не обиделся; улыбнувшись, он сложил руки в приветственном жесте и представился:

— Я Шэнь Цзинхун из Долины Медицины, а этот уважаемый брат... Сидящий передо мной?

Услышав это, Тин Лань демонстративно фыркнула носом:

— Бродяга, которого глава пару месяцев назад неизвестно где подобрал! Правда, толк от него есть, в делах смыслит прекрасно. Мы все зовём его божеством благосостояния, за эти заслуги его даже назначили главой Павильона Расколотого Золота.

В Башнях Мелкого Дождя имелось три павильона.

Павильон Расколотого Золота ведал коммерцией и финансами, Павильон Плывающих Облаков — кадрами внутри организации, а Павильон Прерывания Жизней отвечал за подготовку убийц.

Судя по воспоминаниям Шэнь Цзинхуна, Тин Лань была главой Павильона Плывающих Облаков, а Чэнъин возглавлял Павильон Прерывания Жизней. Раньше Павильоном Расколотого Золота заведовал какой-то старик, но, судя по возрасту, ему уже пора было уходить на покой.

Шэнь Цзинхун кивнул:

— Вот оно что, глава Павильона Расколотого Золота.

Хэ Бугуй небрежно бросил:

— Да какой из меня глава, просто так, посидеть посадили, не обращай внимания. Глядишь, завтра я снова отправлюсь странствовать по свету.

Заявление прозвучало донельзя безответственно, и Тин Лань снова едва не сорвалась с места, чтобы отлупить его. Широко распахнув миндалевидные глаза, она прикрикнула:

— Хэ Бугуй, что за ветреные речи ты мелешь?! Глава доверил тебе Павильон Расколотого Золота только потому, что доверяет тебе, как ты можешь относиться к этому спустя рукава!

Услышав это, Хэ Бугуй приподнял брови:

— Ой, да братец Дуань в последнее время переживает сердечную драму! Говорят, он жутко занят, так что ничего страшного, если мы немного отлучимся от дел — от этого ничего не рухнет. Жизнь человека длится всего несколько десятилетий, разумеется, нужно жить так, как хочется.

— ? — Шэнь Цзинхун совершенно неожиданно для себя стал свидетелем чужих любовных интрижек и растерялся.

Тин Лань же взвилась фурией, словно кошка, которой наступили на хвост:

— Да как ты смеешь судачить о главе за его спиной!

— Всё, допил, не смею задерживать, пойду поищу, где бы выпить. — Заметив, что Тин Лань и впрямь разъярена не на шутку, Хэ Бугуй решил ретироваться вовремя.

Он небрежно взмахнул рукой, швырнув в сторону пустую винную флягу, и птицей взмыл к оконному проёму. Движения его были легки и грациозны, ни единого лишнего движения.

Лунный свет пал сквозь оконную решетку на его силуэт, который тут же растворился в ночной темноте.

— Ах ты!

Тин Лань бросилась к окну, высунулась наружу, но увидела лишь уходящую вдаль фигуру Хэ Бугуя, и от досады яростно затопала ногами.

Шэнь Цзинхун, молча просмотревший эту сцену, с горькой усмешкой произнес:

— Барышня Тин Лань, умерьте гнев.

Тин Лань обернулась и, внезапно осознав, как нелепо выглядела со стороны, смущенно извинилась перед Шэнь Цзинхуном:

— Простите, заставила господина Шэнь стать свидетелем столь неприглядной сцены.

Шэнь Цзинхун ответил:

— Что вы, барышня Тин Лань искренна в своих чувствах, а люди цзянху именно такими и должны быть.

<http://bllate.org/book/25758/3079913>